

Религиозный менталитет и этика русского воинства в домонгольский период

“Князь Александр
покинул Суздаль
ведя готовые на удаль
большие русские полки.
Скакали с луками стрелки,
гордясь доспехов украшеньем
знамен богатых шевеленьем
и шлемами, что лили свет.”

Ливонская рифмованная хроника.
Стихи 2213-2220

Строки эпиграфа дают нам представление о том как воспринималось русское воинство противником, в данном случае – орденовыми рыцарями. Но это взгляд сторонних наблюдателей, для которых важнее был прежде всего внешний вид неприятеля, но какими были этические нормы и менталитет древнерусских воинов – для хрониста это было неинтересно, поскольку для него русские – не христиане, а еретики-схизматики. Однако отрицать, что русские были христианами, равно как и то, что христианство наложило (или стремилось наложить) определенный отпечаток на внутренний мир древнерусского воина, было бы бессмысленно. Несколько замечаний на этот счет.

Прежде всего отметим, что как в средневековой Европе, так и на территории древней Руси в раннем Средневековье шел процесс формирования воинской элиты, стоящей как над племенными, так и над социальными группами и являющейся опорой укрепляющейся династии – в нашем случае Рюриковичей. Это новый общественный слой – “русь” – начинает формироваться, по некоторым данным, в конце VIII – начале IX века с ускорением этого процесса во 2-й половине IX – начале X вв., чему во многом способствовал процесс индивидуальной дифференциации древнерусского общества.¹ Появившись после первых славяно-скандинавских

---

¹ Мусин А.Е. *Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета.* СПб., 2005. С. 22-23. См. также: Франклин С., Шепард Д. *Начало Руси.* СПб., 2009. С. 22-23, 28, 29-33 и далее.

контактов в Северной Руси, он постепенно распространился по всей территории древнерусского государства. Возникает новый этносоциум как широкий надплеменной дружинно-торговый общественный слой, консолидирующийся вокруг князя и образующий его дружину, войско и административные звенья раннефеодального аппарата, защищенных к тому же княжеским правом.² У данного слоя возникает свое мировоззрение, часты случаи принятия христианства, пусть часто и по обряду "неполного крещения", но это был распространенный обычай у торговых и военных людей, который в Западной Европе просуществовал до X в., а в Византии вплоть до развитого Средневековья, "потому что принявшие неполное крещение могли общаться и с христианами и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, которая им больше нравится".³ Судя по всему подобный обряд существовал в русских княжествах XI – XII в. и применялся по отношению к степнякам, вятичам и другим язычникам (в церквях Чернигова были специальные пристройки для такого крещения).⁴ Помимо этого четко прослеживается тенденция выделения обряда погребения свойственного только этой социальной группе, так по материалам Гнездовских курганов во второй половине X в. обряд труположения в ладье из этнического превратился в социальный, он становится привилегией элиты населения.⁵ Обычаи, которые раньше отделяли скандинавов от иноплеменников становятся общим, дружинным обрядом, появляются общие ритуалы (например, жертвоприношение в котлах), которые можно найти и в насыпях Чернигова, где похоронены представители русской дружинно-боярской знати.⁶ При этом, в летописном предании, термины "русь" и "дружина" используются как взаимозаменяемые.⁷

Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М., 2012. С. 192-210; Коновалова И.Г. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. Древнейшие государства Восточной Европы. 2009. М., 2010. С. 88-99; Петрухин В.Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008. С. 33-46 и др.

² См., например: Стефанович П.С. Бояре. Отроки. Дружины. Военно-политическая элита Руси в X – XI веках. М., 2012.

³ Сага об Эгиле. СПб., 1999. С. 151.

⁴ Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж//По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 95.

⁵ Семенов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 252.

⁶ Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 228.

⁷ Там же. С. 203.

Таким образом, можно утверждать, что стержневой основой русского воинства X – начала XI в. становится, условно говоря, некое восточноевропейское “рыцарство” – “русь”. К XII в. в связи с христианизацией погребения состоятельных воинов исчезают, а само название “русь” утрачивает свое значение социального термина, этот слой окончательно растворяется среди местного населения, оставив ему свое название и самосознание как общности. В это же время происходят социальные изменения и в составе древнерусского войска, оформляется замкнутое воинское сословие.⁸ Это дружина, которая является “отборным ядром княжеских воинов – телохранителей, его “двором” говоря по позднему постоянными спутниками и советниками и штабом, который давал организаторов и вождей от руки князя народному ополчению”.⁹

Именно эту прослойку древнерусского общества и следует отождествлять с “русским воинством”, поскольку именно она – дружина особенностями своей воинской психологии, своим архетипом влияла на этику и менталитет войска в целом. Можно отметить общую тенденцию в развитии воинской психологии как скандинавской дружины Харальда Синезубого, так и рыцарства Людовика Благочестивого, дружинников Владимира Мономаха и “кощеев” Боняка, при этом общий тип несет преемственность от поколения к поколению. Основная черта любой воинской субкультуры, в том числе и древнерусской дружины – это переплетение взаимоисключающих тенденций: с одной стороны обостренная тяга ко всем новшествам оружейного, тактического и стратегического плана; с другой же – чрезвычайный консерватизм многих ценностных и поведенческих характеристик, длительное и устойчивое бытование суеверий.¹⁰ Именно это нужно иметь в виду рассматривая формирование воинской этики и религиозного менталитета воинской культуры Руси в “добатыево” время.

На раннем этапе развития русского воинства, когда ее основой была “русь”, преобладал менталитет смешанного степного и особенно скандинавского (как эталона дружинной культуры) типов.¹¹ Характеристика князя Святослава Ингваревича, приведенная в летописях, полностью соответ-

---

⁸ Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение //Археология СССР. Город, замок, село. М.,1985. С. 299.

⁹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по истории. Киевская Русь. М.,1993. С. 412.

¹⁰ Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII вв. СПб., 2002. С. 136.

¹¹ Там же. С. 136.

вует представлениям кочевников об идеальном воине.¹² По крайней мере, воспринимается она, при прочтении, как песня, возможно, сложенная в степях. Присутствие же в дружинных курганах останков коней, позволяет нам проводить параллели о схожести мироощущения. В религии же отражена воинская мифология балтийского региона, что выражено появлением в древнерусском пантеоне Перуна – представляющего, прежде всего воинское начало и отождествляемого со скандинавским Тором, были и христиане. Помимо воинских качеств: личной храбрости, верности слову, неприхотливости и т.п., присутствует факт предупреждения противника (“иду на вас”), верность воинскому долгу и лично вождю. Так показателен ответ дружины князю – “идеже глава твоя, ту и свои главы сложим”.¹³ Этот постулат продолжает существовать и через два с половиной века – “а ты погубиши и мы”.¹⁴ Так же, именно в этот период, начинает зарождаться такое движение как подвиг, своего рассвета достигший после принятия христианства, и связанный с прославлением родной земли. “Не посрашим земли Рускии, но ляжешь костьми, мертвы бо срама не имать” - говорит Святослав воинам и отражение этого можно найти и в “Слове о полку Игореве”, и в речи князя Юрия Ингварича, который предпринял самостоятельный поход против основных сил империи Чингисхана.¹⁵

Нашла свою нишу, и этика с традициями воинской элиты Восточной империи. Во время войны с руссами Иоанн Цимисхий предложил «поединок предводителей» перед сражением все тому же Святославу, но он отказался даже с некоторым удивлением – это не соответствовало этическим нормам, принятым в его войске. Но уже через два поколения он есть, правда с несколькими изменениями. Поединок в Византии не отменял общей битвы, а вот когда князь Мстислав в 1022 году победил в такой схватке косожского князя Радедю, то не просто битва, была закончена война, и косоги стали платить дань русскому князю, который к тому же принял обязательства относительно дальнейшей судьбы жены и детей противника. Сами же поединки перед битвой стали одной из составляющих воинской культуры, начиная с первого упоминания в легенде об основании города Переяславля, до знаменитого поединка инока Пересвета с Челубеем на Куликовом поле, не исчезая в дальнейшем, что говорит о консерватизме и устойчивости традиций.

---

¹² Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.-Л., 1949. С. 479.

¹³ Повесть Временных лет // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 19.

¹⁴ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 226.

¹⁵ Хрусталиев Д.И. Русь: от нашествия до “ига” (30-40 гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 93.

На следующем этапе при общей преемственности этических норм, добавляется христианская составляющая, которая становится доминирующей в менталитете русского воинства, наряду с подвигом и прославлением Родины. Русский человек не мог отказаться от своих убеждений так, вдруг, это не было и “двоеверием” – это была одна синкретическая вера, являвшаяся результатом претворения христианства в русской среде, иначе – его обрусение.¹⁶ Мировоззрение русских людей было бесхитростно дуалистично, в борьбе добра и зла они видели не кровопролитие во имя войн, а предательство доверившегося и ложь.¹⁷ Это соответствовало нормам поведения и древнерусского воина – дружинника, он следует служению, выбранному идеалу вплоть до собственной смерти, что очень напоминает первых христиан. Именно по этому, а не только по политическим мотивам была принята “святость” Бориса и Глеба, ставших олицетворением подвига, и это внутреннее движение доминирует над идеей убийства врага или обидчика во имя собственных идеалов.¹⁸ “Удивительно, что муж пал в бою? Так умирали лучшие мужи из предков наших” – пишет в поучении детям Владимир Мономах, перечисляя нормы составляющие идеал воина-правителя – христианина.¹⁹

Подготовка воинов в то время была обязательна, а в воинской среде и всеобъемлющей, учитывающей достижения своих соседей. В связи со схожими тенденциями происходящими как в средневековой Европе (чуть раньше) так и на Руси (превращение бенефиция в феодал), что отмечает пространная “Правда” начала XII в, появляется наследственная структура, состоящая как и на Западе из сыновей дружинников, бояр и лишь иногда впускающая в себя посторонних. Но именно последнее и было отличием древнерусской воинской культуры от Европы, где рыцари с середины XII века стали кастой, и где невозможно представить ее представителя из иного общественного слоя. У нас же показателен пример дружинника князя Всеволода Юрьевича – Александра Поповича, который явно был не из воинского сословия по праву рождения.²⁰ Можно найти общие моменты и в подготовке молодежи к суровой, повседневной жизни, которая у рыцарей состояла из верховой езды, сражений, охоты и турниров. Но в русском варианте, прибавляется служение князю в его хозяйственном и административном аппарате, причем в варианте, не основанном на вассалитете. Турниры же, хоть и не отмечены в рассматриваемый период, но

---

¹⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. Л., 1953. С. 395.

¹⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2002. С. 261.

¹⁸ Мусин А.Е. Указ. соч. С. 92.

¹⁹ Владимир Мономах. Поучение // Златоуструй. Древняя Русь X- XIII веков. М., 1990. С. 170.

²⁰ Тверская летопись // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 55.

для получения навыков правильного конного боя они были необходимы, поэтому их существование – возможно, что перекликается с отмеченной ранее традицией поединков. Подлинные свидетельства их существования появляются со второй четверти XIII в., так в 1245г. Ростислав Михайлович “створи игру пред градом”, где польский рыцарь Ворш выбил князя из седла, повредил плечо и лишил последнего боеспособности – “не на добро случися ему знамение”.²¹ В более позднее время стоит отметить “игры” в Коломне 1390 г.²²

Можно предположить, что редкое упоминание турниров в источниках объясняется их повседневностью в быту княжеской дружины и русского воинства в целом, и лишь экстраординарные причины – ранение князя или гибель боярина (как в Коломне) послужили их упоминанию. Такие воинские забавы растили бойцов, которым быллюб клин тяжелой конницы, который они называли “свиньей”, используя его не меньше своих западных коллег. Подобные тенденции протекали и в Византии, где проводятся тренировочные конные бои (на одном из них погиб сын императора Никифора Фоки) на копьях, вследствие чего ее воинство если не превзошло, то почти сравнялось по уровню воинского мастерства с европейским рыцарством, как прежде они были почти равны в конной стрельбе из лука воинам-степнякам. Империя обязана этим новшествам императорам-воинам, сменивших администраторов, и отодвинувших придворную партию на второй план. Того же императора, Мануила I Комнина, можно назвать скорее воином, рыцарем, чем рассудительным правителем, какие параллели можно провести с русским князем Олегом Святославичем!

Возможно, что именно подобные этические нормы (рыцарские нравы) вели князей, а за ними и их ближайшее окружение в круговерть рукопашной схватки: “Андрей же Юрьевич взем копье и еха наперед прежде всех и изломи копие”.²³ И хотя термины “честь” и “слава” больше употребляются по отношению к деяниям князей и духовных лиц, но есть и описанные военные подвиги, совершённые отдельными героями не княжеского происхождения. Например, при описании взятия татарами города Судомира рассказывается, как некий “лях”, из защитников города, “не бояринь, ни доброго роду, но прость сын человекь”, “створи дело памяти достойно” – убил татарина на городской стене. Описывается также мужественное поведение двух дружинников Владимира Васильковича – один из них был “прусин родомь”, другой “дворнын его слуга любимы сынъ боярьскии Михайловичь именовь Рахъ”: они “не побегоста” в бою, “но

²¹ Хрусталиев Д.Г. Указ. соч. С. 243.

²² Московский летописный свод конца XV века. С. 78.

²³ Ипатьевская летопись // ИСРЛ. Т. II. М., 2000. Стл. 853, 887.

створиста дело достойно памяти и начаста ся бити мужескы” и погибли “мужественнымъ сердцемъ, оставлеша по собе славу последнему веку». Также как и раньше смерть лучше позора трусости, а потеря стяга равно поражению, и наоборот, появление стяга перед войсками нередко приводит к победе, так как связаны они с именами конкретных воителей.²⁴ Ведь знамя, или, как его в древности называли, стяг, имело огромное значение на всех этапах военных действий, что подчеркивает и русская народная пословица: «Язык – стяг, дружину водит».²⁵

Исходя из этого, воин должен был быть храбр, и искушен в бою, поэтому в Поросье, где селились вассальные Киеву “черные клобуки” посылали, представителей княжеской власти – молодых бояр и княжичей, получавших бесценный воинский опыт, который могло дать беспокойное пограничье, степняки же в их лице обретали юных, энергичных и подвижных предводителей. Стоит отметить, что многие из них попадая в окружение язычников, легко перенимали их обряды и традиции (что говорит о схожести мировоззрения не смотря на различия в вере), так что их соратники хоронили их в соответствии со своим, языческим мироощущением, примером чему может служить погребение у села Таганча.²⁶

Судя по всему, наряду с новым христианским мышлением уживаются пережитки старого мировоззренческого архетипа и суеверий, именно поэтому молодые русские воины так прекрасно адаптировались в среде своих союзников. Вера в дурные приметы, принесение языческих жертв, изменение христианских ритуалов, было если не повседневным, то частым явлением, с которым постоянно борется церковь.²⁷ Ярким примером бытования суеверий, и преемственности мировоззрения в воинской культуре служит “Слово о полку Игореве”. Здесь и “вещий Боян, внук Велесов” и “ветры Стрибоговы внуки”, “Обида в силах Дажьбожьих внуков”, Карна, Жля, Див, князь Всеслав, который сам “ночью волком рыскал”, предупреждение о беде в затмении солнца.²⁸ При этом “Слово” является восточным собратом европейского нравоучительного примера, где пренебрежение Божьим промыслом и княжеская гордыня, стоит вместе с попранием религиозных норм и этики ведения войны, но где в конце есть и покаяние и прощение.²⁹ Так за немногими исключениями, походы на Русь совершались в феврале-марте, и никогда на Пасху (как сделал Игорь),

---

²⁴ Московский летописный свод конца XV века. С. 67, 113.

²⁵ Даль В. И., Пословицы русского народа. М., 1957. С. 407.

²⁶ Плетнева А.С. Половцы. М., 1990. С. 87-89.

²⁷ Моисей Новгородский. Поучение о присягах и клятвах // Златоуструй. Древняя Русь X- XIII веков. М., 1990. С. 214.

²⁸ Слово о полку Игореве // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 36-44.

²⁹ Мусин А.Е. Указ. соч. С. 280-281.

часто использовали священников (“повеле попомь, пред полки идуши, пети”) которые так и не создали замкнутое сословие, не выделясь из общей массы русского воинства в том что касалось жизненно важных вопросов войны и мира.

В воинской культуре прослеживается не только почитание святых Бориса и Глеба, Богородицы, святой Софии (особенно в Новгороде – как символа), но и святого Креста, который заменил собой присягу на оружии, которой пользовались Олег Вещий и Игорь Старый и подкреплял собой обычай “избитья рук”. В средневековой Руси высказывания, обещания, заверения и т. п., произнесённые со ссылкой на божественные силы или с использованием священных предметов (т.е. при соблюдении обрядов), обозначались терминами «клятва» и «рота». Теперь после принесения присяги целовали “целовали крест”, что идентифицировалось как клятва.³⁰ Крест на оружии, бытовых вещах, повседневных предметах окружающих война, нес в себе особую смысловую нагрузку – помни о Боге! Этот символ заставлял “помнить об ответственности за грехи, творимые с точки зрения Восточной церкви по своей свободной воле”.³¹ Не это ли и есть личное благочестие. Духовное восприятие этой воинской образности остается уделом лишь элиты и при невыраженности слоя священнослужителей на Руси с одной стороны и национальной церкви с другой идеология русского воинства и его менталитет становятся господствующими в христианизируемом обществе.

В XIII в. в Европе появляется формула – “поборник мира” по которой воин-христианин должен стремиться к подлинному миру, бороться за него с оружием в руках, так как главное его предназначение – восстановление попорченной справедливости. Истинным же витязем небесного воинства (*miles christi*) будет тот, кто не ищет суетной славы, а тот кто представляет власть и носит оружие чтобы защищать безопасность, и сражаться за дело Божье.³² На Руси именно представители воинской элиты: князь, боярин, дружинник были теми, кто носил оружие чтобы нести защиту, как от внутренних, так и от внешних угроз, совершая при этом внутренний

---

³⁰ Данная тематика подробно разобрана и представлена в публикациях: Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004; Stefanović, Petr S. Отношения правителя и знати в Северо-Восточной Руси в XIV – начале XVI в.: крестоцелование как клятва верности? – *Cahiers du Monde Russe*, Vol. 46, No. 1-2 (2005); Стефанович П.С. Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006.

³¹ Гумилев Л.Н. Указ. соч. С. 279.

³² Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 182-183.

подвиг, где главное не убийство, но достижение собственных идеалов, а главная идея этого «христолюбивого воинства» – это подлинный мир, который вместе с любовью к родной земле и является основополагающим этическим и моральным стержнем, как русского воинства, так и всего древнерусского общества в целом. “Луче есть на своей земле костью лечи, и нежли на чюже славну бытии”.³³ Исходя из этого, древнерусский воин, не может быть признан витязем христового воинства (*miles christi*), если следовать западной традиции, но зато вполне подпадает под действие формулы литургиста Дюрана, и согласно этому является «поборником мира» в Восточной Европе. Таким образом, на этой территории, гармонично сплавляющиеся, на основе восточнославянского этноса и его обычаев, западные и восточные этические нормы и традиции помогли созданию (к XIII в.) самобытной воинской культуры, закат которой был ознаменован монгольским нашествием.

---

³³ Летописе руський (Ипатьевская летопись). Київ, 1989. С. 369.